

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Корзина была неподъемной, к тому же больно била по ногам при ходьбе, оставляя на бедрах многочисленные синяки. Ида с трудом поднимала ее с пушистого мха: отполированная прикосновениями ручка так и норовила выскользнуть. Да, нелегко хрупкой десятилетней девочке тащить такую ношу, как плетенка, заполненная морошкой, по всем склонам, негостеприимно скованным вечерней прохладой. Однако Ида мужественно держалась. Ее темно-русые волосы прилипли ко лбу, дыхание стало быстрым и прерывистым, как у зверька. Позади устало семенил маленький брат. Свену было всего четыре года, но он уже познал все тяготы деревенской жизни, неизменным хвостиком следуя за сестрой по лесу в поисках вкусной, но труднодобываемой морошки.

— Ида, я устал! — своим наивным, немного обиженным голосом протянул Свен и виновато показал на пухлые ножки.

Сестра потрепала мальчика по голове:

— Потерпи, воробушек, нам нужно до темноты забраться на гребень горы, оттуда видна вся деревня. Там есть большой камень, отдохнем на нем.

Свен довольно засопел. Он любил сидеть на камне: с высоты было видно не только деревню, но и речку, и старый хутор.

Немного отдохнув на вершине горы, дети полубегом спустились по ее склону.

Свет в доме не горел, но Ида и не ждала его. Отворив тяжелую дверь, она с братом вошла в дом. Девочка каждый раз удивлялась, насколько необитаемым и неудобным казалось жилище после свежего воздуха со склонов гор.

— Мама?

Голос Иды звучал робко, испуганно. Из небольшого помещения, за каменной печью, слышалось слабое покашливание. Девочка обрадовалась и побежала в комнату, оставив брата сидеть на скамье в кухоньке. В комнатухе на деревянной кровати, стоящей вдоль некрашеной стены, лежала чрезвычайно бледная женщина. Глаза ее были открыты, затуманенный взгляд бессмысленно блуждал по низкому потолку.

— Вас сегодня долго не было, — тихо сказала мама.

— На Сонном лугу совсем не было ягоды — пришлось идти ближе к Хмурой Гати.

Мать смотрела осуждающе:

— Не ходите туда больше: там легко утонуть, ты же знаешь. Сколько людей пропало в том месте! Болото отдало назад только единицы.

Ида слышала все эти истории — от них становилось жутко, но в то же время очень любопытно.

— Мама, мы набрали много ягоды! — брат забрался к матери на кровать.

У Иды защемило сердце от тоски. Свен, маленький мальчик, совсем не догадывался, насколько серьезно

больна мать. Дело вовсе не в том, что вода в горной речке была слишком холодной для стирки белья. Мать никогда не поправится. Девочка увидела это во взглядах доктора и священника. Ее детское наивное сердце сжималось от страха.

— Я разведу огонь и сварю питье из морошки, — голос ее стал быстрым и деловитым, — а остальное вынесу на солнце.

Мать слабо кивнула. Последние две недели она не могла встать с кровати. Не плакала, о чем-то думала. Взгляд ее был пустым и невидящим.

Ида с трудом разожгла огонь в отчаянно чадающей печи. Дрова дымили, но не спешили загораться. Топить печь так, как получалось у матери, девочка не наловчилась. Потеряв терпение, она шепнула пару слов. Огонь вспыхнул, осветив стены кухни. Матери не нравилось, когда дочь колдовала. С годами Ида научилась скрывать свои способности: не хотелось каждый раз видеть слезы и страх в глазах родного человека.

Вскипевшая вода разнесла по комнате аромат лесных ягод. В помещении потеплело, запах покинутого дома отступил. Свен уснул прямо за столом, сжимая в руке кусок хлеба. Ида осторожно переложила брата на лавку и укрыла одеялом.

Вечерами девочка любила сидеть возле матери и читать при тусклом свете лампы стихи из старой книги. Потрепанный сборник сохранился у женщины еще с прошлой жизни, когда она была принцессой и жила в прекрасном дворце, а многочисленные слуги называли ее «лэри». Позже она встретила отца, и он увез принцессу в деревню. Ида мечтательно вздохнула: «Неплохо, наверное, быть принцессой. Если

мама — принцесса, то кто тогда я? Тоже принцесса? Нет, ведь отец не принц. Он был хорошим, но совершенно точно не был принцем».

Девочка еще помнила, как они жили в красивом поместье, где у отца имелся свой кабинет. Обычно он сидел там над бумагами и пил очень много чая. Тогда мама была красивой, щебетала как птичка и играла на арфе. Затем папа исчез, и мама много плакала. Поварихи на кухне с ужасом и злорадством шептались, не обращая внимания на шестилетнюю Иду, о том, что отца застрелил молодой человек, которого после этого никто больше не видел. А чуть позже родился Свен. Он был очень маленьким и не кричал. Его все время держали у камина. Мама же вскоре перестала плакать, оделась в черное платье и продала арфу.

Со временем Ида начала забывать, как выглядел отец. Мать, погруженная в дела поместья, перепоручила все заботы об Иде и годовалом Свене нянькам. Каждый день она возвращалась домой уже затемно, все время пропадая в поле или на скотном дворе, а ночью работала с бумагами в кабинете отца.

Однажды в дом пришел толстый лысеющий дядя с добрыми глазами. Иде он напомнил маленького небесного духа-ребенка, рисунок которого она видела однажды в церковной книге. Мать долго говорила с незнакомцем за закрытой дверью кабинета. Голос ее был упрямым и раздраженным, голос господина — смиренным и настойчивым. Через некоторое время добрый дядя покинул дом, угостив любопытную девочку леденцом. Он был весел и напевал какую-то незамысловатую мелодию. После этого мать не выходила из своей комнаты до конца дня.

Вскоре пришлось переехать в один из домов в деревне. Мать стала работать еще больше: она уходила, когда дети спали, а возвращалась после заката. Ида научилась заботиться о брате и справляться с домашними делами. Пищу готовила мама, делала она это поздно вечером или рано утром — Ида не знала.

На деревню нападали эпидемии, одна за другой. Мать строго запретила общаться с кем-либо из окружающих. Спустя год вспышки болезни в деревне прекратились, не тронув никого из их маленькой семьи. Но мама стала слабеть день ото дня: тяжелая работа лишала ее сил сопротивляться хвори, которая вошла в ослабленное тело женщины полноправной хозяйкой. Доктор так и не смог определить природу ее недуга.

Закончив все дела, Ида зажгла лампу у постели матери и уселась на единственный в доме стул, уютно поджав под себя ноги. Сегодня ей хотелось быть незаметной, подобно мышке, живущей за старым сундуком. Мать вяло зашевелилась. Ида тут же поднесла ей питье из морошки. Придерживаемая за голову, женщина делала судорожные глотки. После столь простого действия силы ее оставили, и она беспомощно опустилась на подушки.

Ее голос напоминал далекое эхо:

— Я написала письмо на прошлой неделе и попросила доктора отправить его. Помнишь, он заходил в четверг? Надеюсь, мою просьбу уже выполнили.

Ида умолчала о том, что с момента визита прошло уже три недели. Мама все путала и забывала, но письмо действительно написала, когда почувствовала, что положение ее значительно ухудшилось.

— Письмо предназначалось моей матери. Да, у меня есть мать. Она жива и вполне здорова, насколько мне известно. Мы не общались долгое время, но священник видел ее в прошлом году в церкви Вестдалена. Я поручу вас ее заботам, когда меня не станет.

— Мама, тетя Лотти пообещала, что заберет нас к себе, и тебя тоже. Мы будем ухаживать за тобой — ты поправишься.

Женщина горько рассмеялась:

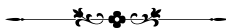
— Ида! Семья Ларсенов едва сводит концы с концами. Мы не можем обременять их. Вы проживете с ними некоторое время... возможно.

— А ты? Мы не пойдем к ним без тебя!

— Маленькая упрямица! Я буду здесь. К Ларсенам вы пойдете без меня.

Ида сморщила лоб. Она не понимала, почему мать так упорствует. Ведь у Ларсенов лучше, чем в старом доме, где ночью становилось по-осеннему промозгло. Тепло улетучивалось через щели в стенах, из которых птицы выгаскали весь мох, чтобы обустроить свои гнезда. Как только гасла печь, в комнатах становилось холодно.

Женщина задумчиво наблюдала за дочерью, склонившейся над книгой, и думала: «Бедное дитя! Она не понимает, что легочную больную никто не захочет брать к себе в дом. В деревне дети и так редко доживают до возраста, когда начинают бегать на своих ногах».

Мать умерла, когда ударили первые осенние заморозки. Двух осиротевших ребят приютили неравнодушные соседи. Люди в этой местности были небогатыми,

КЛЮЧ КО ВСЕМУ

еще два голодных рта ложились бременем на нищие семьи. Когда священник недвусмысленно намекнул, что расходы на содержание сирот он будет компенсировать из своих личных средств, количество желающих их забрать на воспитание значительно прибавилось.

Годы шли своей чередой. За посевными днями наступали сенокосные, а уборочные сменялись зимним временем и стужей, когда крестьянин мог немного расслабиться, потравить байки у очага, между делом меняя подбойки на старых сапогах или мастера какую-нибудь вещицу.

Ида превратилась в миловидную девушку почти семнадцати лет. Ее яркие голубые глаза резко контрастировали с белой кожей и темными волосами. Свену должно было исполниться десять лет. Лицо его еще сохраняло детскую округлость, темно-карие глаза смотрели доверчиво. Как и любой деревенский мальчишка его возраста, он был в ссадинах и царапинах, а устойчивый загар не сходил даже зимой.

Жизнь не была к ним благосклонна. Бесконечно они переходили из одного дома в другой, пока не осели в семье священника. Тут им жилось вольготно: никто не порол розгами. Священник был человеком строгим, но придерживался современных взглядов, в том числе и в воспитании детей. А мама Грета была доброй женщиной, достойной женой священнику. Кроме Иды и Свена, в доме жили еще трое приемных детей. Отец Мартинус и мама Грета считали своим долгом помогать страждущим и обездоленным.

Воспитание, данное сиротам, имело религиозный уклон. Все дети обучались в приходской школе. Священник лично три часа в день давал уроки, кроме седьмого дня, когда весь день служил Белому Богу и общался с прихожанами. Ида была способной к учению. Поскольку она умела читать и писать, отец Мартинус давал ей задания отдельно. Свен же ленился и особых талантов к наукам не проявлял. Свою судьбу он планировал связать со служением Богу Исаие, но отнюдь не из собственных духовных стремлений. Мальчишка быстро понял, что священник — самый уважаемый и зажиточный человек в деревне, не считая, конечно, помещика. В обретении духовного сана он видел воплощение блестящей карьеры.

Подворье священника располагалось недалеко от церкви и состояло из трех домов, деревянных и каменного, дворовых и хозяйственных построек. Один дом был отдан под мастерскую и класс школы. Во втором жила прислуга, останавливались путники и гости, приезжающие к отцу Мартинусу. Дом священника был сложен из гладкого серого камня, имел два этажа и просторную светелку на чердаке. Все три здания образовывали большой прямоугольный двор с ухоженными клумбами и небольшой деревянной беседкой, увитой растениями.

После обеда, когда не было домашних хлопот, дети часто проводили время во дворе. Ида любила сидеть в тени беседки и читать какой-нибудь роман о любви или приключениях. К огромному огорчению девушки, таких книг в библиотеке отца Мартинуса было немного: он предпочитал более серьезные произведения. Ида недоумевала, как столь легкомысленная ли-

КЛЮЧ КО ВСЕМУ

тература появилась в его библиотеке. Большинство книг были посвящены истории, богословию и наукам. Имелось несколько томов с сочинениями философов древности и темных веков. Многие современники нашли бы их наличие в библиотеке священнослужителя неприемлемым.

Еще одной своей страсти Ида не изменила с годами: она никогда не прекращала своих походов по окрестным горам и болотам, за что неизменно получала выговоры от мамы Греты. Однако девушка знала, что та ругает ее лишь для вида, втайне радуясь грибам и ягодам. Ида редко возвращалась с пустыми руками.

Конечно, в лес она ходила не за дарами природы. Под сенью деревьев, у небольшой горной речушки или на гребне скалы, девушка наблюдала за природой. Лес казался ей существом, наполненным своей скрытой жизнью. Ее бесконечно восхищала мощь вековых деревьев и смена времен года. Она упивалась бормотанием, которое доносилось отовсюду при дуновении летнего ветерка.

С любимых гор виднелась деревня, небольшая церковь, кладбище, где похоронена мать. При взгляде на деревенский погост ее охватывала легкая грусть. Ида пыталась вспомнить лицо отца, но не могла, как бы ни старалась. Он был похоронен не здесь. Она даже не имела возможности навестить его могилу. Образ матери с годами тоже потерял свою четкость — девушка не была уверена, что не придала ее лицу чужих черт. Как бы ни хотелось сохранить образы родителей, постепенно они ускользали от нее, становясь похожими на тени из прошлого.